

Лингвистика

УДК 811.161.1

А.В. Флоря

ЛИНГВИСТИКА ИМЕНИ

Предмет данной статьи – многообразие значений слова на различных языковых уровнях: фонетическом, фонологическом, орфоэпическом, графическом, пунктуационном, лексико-семантическом, фразеологическом, словообразовательном, грамматическом, синтаксическом, текстовом. Автор рассматривает эти значения в нормативном и окказиональном аспектах. В статье затрагиваются стилистические, социолингвистические и особенно лингвоэстетические возможности семантики. Отдельно рассматривается природа и роль искажений слова и его значения для произведений искусства.

Ключевые слова: слово, узусальное и окказиональное значение, семантика, семема, сема, коннотация, стилистика, лингвоэстетика.

Когда мы говорим о значении слова, то имеем в виду прежде всего лексическое значение. Потом добавляем и другие – грамматическое, словообразовательное, синтаксическое. Наконец, хорошо подумав, мы вспоминаем, что у слова может быть стилистическая, в том числе эмоциональная, окраска, а если подумаем очень хорошо, то учтем также эстетический аспект: в художественном тексте слово может означать не то, что в обыденной речи. Итак, у слова может быть 6 или 7 значений – *не обязательно все*. Но возможно ли, чтобы их насчитывалось около семидесяти?

Оказывается, да. Профессор В. А. Канке пишет с восхищением: «Лосев выделял в имени 67 (!) моментов. Вот что значит видеть в имени (слове) полноту жизни!» [4. С. 80]. А. Ф. Лосев в «Философии имени» [5] трактует слово преимущественно с феноменологических позиций, а упомянутая полнота жизни проявляется в синкретическом подходе: в объединении философии, религии, мистики с элементами филологии. Лосев употребляет такие термины, как *меон*, *ноэма*, *энергема*, *эйдос* и т. п., которыми лингвистика обычно не оперирует. В свою очередь, лингвистические термины – например, *фонема*, *морфема* – используются у него в специфических смыслах: фонема – совокупность всех фонетических аспектов слова (в филологии для этого существует термин *фоники*), морфема – не часть слова (корень, аффикс и флексия), а его грамматическая форма.

Однако если мы останемся в рамках лингвистики, взяв за основу «Семантику русского языка» Л. А. Новикова [6], не прибегая к *идеалистической* философии, мистике и т. п., то сможем выделить в слове не меньше смысловых слоёв. Как справедливо замечает А. Л. Уфимцева (кстати, в том же сборнике «Ленинизм и теоретические вопросы языкознания» есть и статья Лосева), «слово способно выполнять любую языковую функцию, только словесный знак может охватить весь объем языковых функций» [10. С. 309]. Мы постараемся показать это на практике.

Скажем сразу же: в большинстве своем эти значения совпадут с теми, которые выделяет Лосев, только мы употребим для них корректные лингвистические названия.

Правда, возникает вопрос: относятся ли к значениям слова языковые функции: номинативная (называние предметов, процессов, признаков), информативная (хранение информации, образование и сбережение смыслов), комментирующая, коммуникативная (обеспечение общения), воздействующая, экспрессивная (выражение эмоций, отношения к объекту), культурная, в том числе особо интересующая нас – эстетическая? Лосев употребляет философский термин, называя их *моментами* имени. Для нас же актуальна филологическая терминология. Мы будем считать значениями все элементы слова, которые несут информацию о нем и обеспечивают его связи с другими компонентами текста. И добавим еще одно существенное обстоятельство: они выражают *индивидуальность* слова – то, что присуще *именно* ему, хотя не обязательно *только* ему. В этом случае некоторые функции слова могут считаться значениями, но не обязательно.

Так, например, Лосев использует термин *меон*, т. е. воплощение духовной сущности слова в материи. То, что в слове, как в любом знаке, идеальное содержание реализуется в материальной форме – общеизвестно, только в языкознании это называется не *эон* и *меон*, а *означаемое* и *означающее*. И это не отдельные значения, а две стороны знака. У каждой из этих сторон – множество своих значений.

Но мы обратимся к более традиционному пониманию слова *меон*: «ничто». В каждом слове по умолчанию обязательно содержится отрицающий момент. *Omnis determinatio est negatio*, как сказал Спиноза и повторял Гегель. Любое определение есть одновременно отрицание. Если мы говорим: *Солнце*, это означает: не Земля, не Луна, не комета Галлея и т. п., а также: не дом, не дерево, не собака, а заодно и не глокая куздра. То есть, называя объект, мы отделяем его от других объектов – родственных и не родственных ему, реальных и даже виртуальных. Утверждая, что объект является тем-то, мы одновременно имеем виду, что он не является всем остальным. То есть он может с чем-то пересекаться и даже совпадать, но *не буквально*. Это относится также и к признакам и действиям. Если мы называем данный цвет *красным*, мы констатируем, что он не белый, не черный, не синий и т. д. *Плыть* не означает: сидеть, бежать, танцевать и проч.

Итак, слово есть единство наименования, т. е. утверждения, и отрицания. Это его *функции*. Являются ли они значениями? По нашему мнению, сами по себе, абстрагированные от человека, не являются, потому что это свойства всех слов без исключения, а значение относится к индивидуальности слова (см. выше), т. е. знает исключения, содержит то, чего у других слов может не быть. (Не все слова включают в себя аффиксы, изменяются и вступают в синтаксические связи. Слово, вернее, слово-форма, даже не всегда состоит из звуков – нулевая связка, однако номинативная и негативная функции есть даже у нее. Это языковые универсалии.)

Номинативная (1) и негативная (отрицающая) (2) функции становятся значениями тогда, когда они актуальны *для нас*. Дело в том, что наименование – это почти всегда неполное отрицание. Называя слово, мы исключаем не все другие слова и смыслы. Например, говоря: *Эта наука – языкознание*, мы подразумеваем: «Эта наука – не физика, не химия, не астрономия, не геометрия и даже не математика», хотя математическая лингвистика существует. Но мы не подразумеваем: «Это не филология», хотя языкознание – лишь часть филологии. И тем более мы не подразумеваем: «Это не лингвистика».

Если ученый пишет книгу, в названии которой есть слово «*языкознание*», она должна строго соответствовать критериям данной науки, и автор обязан за этим следить, т. е. данный вопрос для него *актуален*. Ученый совершенно не думает о том, что он пишет работу не по астрономии, но ему уже приходится следить за тем, чтобы не уйти в философию или историю, с которыми языкознание тесно связано, и, тем более – не подменить лингвистический анализ литературоведческим, т. е. не уклониться в смежную филологическую науку. Зато автор имеет в виду: «Я должен заниматься *лингвистическим* анализом, потому что лингвистика – это и есть языкознание, хотя и называется по-другому».

Таким образом, функции наименования и отрицания, находящиеся в единстве, превращаются в значения тогда, когда для нас важно точное понимание слова. Причем «для нас» – понятие двустороннее:

а) для автора высказывания: какую он ставит цель, употребляя слово, как он сам это слово понимает (функциональный аспект);

б) для получателя высказывания – как слово воздействует на него, какой результат достигнут (коммуникативный аспект). (Здесь мы отчасти следуем теории речевых актов Дж.Л. Остина [7], который различает понятия *локуция*, *иллокуция*, и *перлокуция*, т. е. речевой акт с точки зрения собственно языка, цели и результата.)

Обычно мы не задумываемся над тем, с какими словами данное слово сближается и от каких отличается, но это бывает принципиально важно в научных, публицистических или художественных текстах. Номинация и отрицание проявляются здесь именно как значения, и выступают они в единстве. Давая правильное наименование, автор отвергает близкое по смыслу, но не точное. Обращаем внимание: когда номинация и отрицание проявляются как функции, то в тексте присутствует только номинация, отрицание же – всего, кроме нее, – только подразумевается. Если же они являются значениями, в тексте присутствует и отрицание, но не всего, а того, что отвергается в первую очередь. Отрицается, конечно, и всё остальное, но это для автора не существенно, и об этом он умалчивает. Из всего бесконечного множества отрицаемых вещей автор указывает только то, с чем легче всего спутать правильное название.

В науке: В данном примере наблюдается *не антонимия, а конверсия*.

В публицистике: Б.Ю. Кагарлицкий: *Ценности поколения 60-х годов, доминировавшие у нас аж до конца 80-х, ушли в прошлое. На их место пришли не новые ценности, а новые соблазны* (Свободная мысль-XXI. 1999. № 7. С. 32).

В художественной литературе (А.М. Горький. *Жизнь Клима Самгина*)

[Самгин – Марине Премировой о Петербурге:]

Клим сказал:

– *Вчера я подумал, что вы не любите его.*

– *Вчера я с ним **поссорилась; ссориться – не значит не любить.***

[Иноков о Самгине:] ***Аппарат не столько мыслящий, сколько рассуждающий...***

Теперь рассмотрим значения, относящиеся к форме слова, т. е. к означаемому. Удобнее всего это сделать в соответствии с постепенным восхождением от мельчайших языковых единиц к более крупным.

Фонетический уровень дает нам больше 10 видов значений: **фонетическое** (3) – звуковое содержание слова ([ф'ило́лѣк], **фонемное** (4) – набор фонем, т. е. обобщенных единиц, которые стоят за звуками (<филолог>), **фонемное позиционно-комбинаторное** (5) – набор фонем в зависимости от их положения в слове и окружения – состав фонем и гиперфонем, входящих в слово (<ф/ф'илолог>), и **фонемное функциональное** (6) – состав сильных и слабых фонем, входящих в слово (<ф1илола1к2>) и обладающих способностью различать слова и словоформы – например: *филолог* (<ф1илола1к2>) и *филология* (<ф1илолог1ија1>) различаются оппозициями: <о> // <а>; <а1> // <о>; <к2> // <г1>, а также # // <и>; # // <ј>; # // <а1>; **меризматическое конститутивное** (от слова *конституция* – состав) (7) – набор меризмов – признаков фонемы [1. С. 131] (в принципе, и звука), или, иначе, набор признаков, необходимых и достаточных для определения фонемы (или звука), и **меризматическое функциональное** (8) – признаки, по которым различается конкретная пара фонем в речи.

Значения (7) и (8) могут отличаться друг от друга. В частности, для конститутивного меризматического значения (7) фонемы <а> нам не нужно знать, что она нелабиализованная, достаточно указать, что она – нижнего подъема, чтобы стало ясно, о какой гласной фонеме идет речь: других гласных нижнего подъема не существует. Но в рамках функционального меризматического значения (8) она приобретает признак отсутствия лабиализованности. Например, в паре *рама* – *Рома* гласные фонемы <а> // <о> противопоставлены по признакам нижнего // среднего подъема, нелабиализованности // лабиализованности. Если бы не учитывался второй признак, мы не знали бы, чему противопоставлена <а>: <о> или <э>, что противопоставлено слову *рама*: имя *Рома* или термин *рема* (новое содержание высказывания).

Мы говорим о фонетике, в которой позиционные и комбинаторные изменения происходят строго по схеме: безударные редуцируются, согласные перед гласными переднего ряда смягчаются. Но ведь в самом слове *фонетика* звук [н] перед [э] остается твердым – это **орфоэпия** (9). А некоторые профессора старой школы говорили: *ф[о]нетика* и *ф[о]н[э]тический* – это уже **социофонетическое значение** (10).

Нельзя обойти вниманием значения, возникающие в последовательностях звуков, не совпадающих со словом, – в слогах или фонетических словах (включающих проклитики и энклитики). Первое из них мы назовем **силлабическим** (11) и **фонетико-синтагматическое** (12).

Для слога актуально всё, что было сказано выше о звуках и фонемах, но есть и другие нюансы, возникающие в стилистическом и лингвостетическом аспектах. Произнесение по слогам (как это обожает делать у А.М. Волкова Страшила Мудрый) придает слову весомость, значительность, хотя и с некоторым юмористическим оттенком.

Другой случай художественного использования силлабического уровня – апокопа: сокращение слова до его части. Например, в комедии Е.Л. Шварца «Тень» самым буквальным образом реализуется фразеологический оборот «*понимать с полуслова*». Так говорят два министра в целях конспирации. Особый блеск этого речевого аттракциона состоит в том, что «конспиративную» речь с полуслова понимают также и зрители.

Первый министр. *Слыхали о принцессе?*

Министр финансов. *Да, мне докла.*

Первый министр. *Этот приезжий ученый похитил ее сердце (...) Как вам это **нра**?*

Министр финансов. *Совсем мне это не **нра**! Кто он, этот ученый? (...)*

Первый министр. *Простой наивный человек (...) Поступки простых и честных людей иногда так загадочны!*

Министр финансов. *Надо его или **ку**, или **у**.*

Первый министр. *Да, другого выхода нет.*

Заметим, что автор, обрубая слова, не ставит многоточий, уподобляя полным словам их обрубки, которые нормально выполняют коммуникативную функцию.

Теперь обратимся к фонетическим словам (12). Принято считать, что они бессмысленны, что это формальный набор звуков, из-за чего довольно часто возникают курьезы, именуемые мондегринами. Например, великий актер Н.Д. Мордвинов, игравший роль Отелло, где была фраза «*Разорву твои я путы*», вспоминал, что его однажды спросили, что такое *япуты*. Однако сам этот вопрос свидетельствует о потребности слушающих воспринимать звучащую речь осмысленно. Возможно, проклитики и энклитики вносят в слово(форму) некоторые элементы смысла. Впрочем, в некоторых случаях (по-видимому, довольно редких) фонетическое слово может функционировать как полноценное лексическое. Например, в высказывании «*Я уже не помню своего бывшего соседа*» лексическое слово *помню* и фонетическое *непомню* (с проклитикой) означают прямо противоположные вещи, причем второе точно выражает содержание фразы (его можно заменить синонимом *забыл*), а к первому для передачи того же смысла нужно добавить другое слово – отрицательную частицу *не*.

Мондегрин может быть не только речевым недочетом, но и художественным приемом, лежащим в основе двух тропов – каламбура и гетерограммы – перераспределения звуков. Для удобства обратимся к эпиграмме Д. Минаева, где употребляются оба тропа:

Область рифм – моя стихи,
И легко пишу стихи я (каламбур)
Даже к финским скалам бурым
Обращаюсь с каламбуром (гетерограмма).

Перейдем теперь на суперсегментный уровень, который надстраивается поверх звучащего слова. Здесь можно выделить два значения – **акцентное** (13) и **интонационное** (14). Акцентное связано с ударением. Во-первых, ударение окончательно оформляет слово, делает его самостоятельным. Во-вторых, при омографии ударение придает окончательный смысл словам: *átлас – атлác, зáмок – замóк, úрис – урís, му́ка – мука́, хаóс – хаóс* – или словоформам: *плáчу – плáчу, целúю – целúю* и т. д.

У М. И. Цветаевой на омоформии построено стихотворение «*Мука и му́ка*»:

Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победны над скукой.
Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше му́кой!

В этом тексте *мука́* и *му́ка* – не просто два сходных слова, кстати, не родственных. Цветаева придает им родство, делая их контекстуальными антонимами: первое означает забвение и успокоение, а второе – память и отказ от покоя.

Интонация (14) тоже добавляет к значению слова очень многое, правда, здесь мы уже выходим на синтаксический уровень. Если ударение делает слово словом, то интонация способна сделать его предложением – *Правда? – Правда!*

Л.В. Щерба придавал огромное значение интонационному рисунку поэтического текста (паузам, фразовым ударениям и др.), справедливо считая, что правильное чтение – критерий правильности его анализа. Разбирая стихотворение А.С. Пушкина «Воспоминание», он сосредоточил основное внимание на его просодии, а морфологию, синтаксис и лексику охарактеризовал очень кратко [11. С. 26-44]. В зависимости от интонации слово может менять лексическое значение и грамматическое значение. Например, ставшая крылатой фраза И.А. Крылова «*А ларчик просто открывался*» обычно произносится с логическим ударением на *просто* и понимается неправильно: открыть ларчик было нетрудно – *просто* является здесь наречием. В таком виде это высказывание озадачивает читателя: просто – это как? На самом деле логическое ударение нужно ставить на *открывался*, а перед фрагментом *просто открывался* желательно делать паузу. Тогда *просто* прочитывается как частица со значением «всего лишь», а всё высказывание означает, что ларчик не был заперт вообще.

Ритмика (15) стихотворного текста тоже влияет на семантику слова, порою очень своеобразно. Выбор слова может диктоваться не его лексическим значением, а техническими причинами: слово берется «ради красоты» (у Лосева это называется *поймой*) – ради рифмы, размера, аллитерации.

А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» высмеивает эту тенденцию, доводя ее до полного абсурда:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!)

Слово «*розы*» как рифма к «*морозам*» обладает не лексическим, а сугубо ритмическим значением (15). Его лексическое значение – цветок из семейства розоцветных – в данном контексте вызывая бессмысленно. Здесь слово «*розы*» означает: неуместный поэтический штамп.

Впрочем, у Пушкина мы видим крайний случай полной утраты словом его собственного значения. Обычно оно все-таки не теряется полностью. Совсем по-другому ритмическое значение использует Д. Быков в пассаже про Ким Чен Ына: «*Есть у Кима ядерная бомба, чем гордится весь его народ: тут уже и рифма “гекатомба” просится – и, кажется, не врет*» (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/15/72173-zhgi-gospod-otbros-opasku-kak-to-stalo-nekogo-berech>). Уточнение «и, кажется, не врет» указывает на то, что слово *гекатомба* употреблено не только ради рифмы.

Для художественной литературы актуально и звучание слова – **фоносемантика** (16), т. е. вызываемые им объективные или субъективные, индивидуальные чувства, ассоциации: «*Смерть*». *Соединение пяти неприятных звуков этого слова как будто требовало, чтоб его произносили шепотом* (А.М. Горький. Жизнь Клим Самгина).

Графическое значение (17) создается буквами, из которых складывается слово. Главный смысл буквенной записи русского слова – передача его фонемного состава (об исключениях мы не говорим). Но графика вносит и другие нюансы, актуальные преимущественно для стилистики и лингвоэстетики – здесь графическое значение смыкается с **орфографическим** (18). В художественных текстах иноязычные слова могут передаваться буквами разных алфавитов. Например, у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине» заимствованные слова (они все выделены курсивом) записываются и латиницей, и кириллицей: *Сперва Madame* за ним ходила; *Пред ним roast-beef* окровавленный; *Надев широкий боливар*, // Онегин едет на бульвар; *Но панталоны, фрак, жилет*, // Всех этих слов на русском нет; недуг, подобный английскому *сплину*.

Возможны гибридные слова, в том числе игровые названия фирм, телеканалов, передач и др., например: *NEWпопад* – когда первые три буквы русского слова *невнопад* заменяются на латинские и выделяются кеглем (размером), оно приобретает прямо противоположное значение: «новости впопад».

В этих примерах графика и орфография выступают в единстве, но орфографическое значение может проявляться и само по себе: *Родина* и *родина* (малая родина или родина иностранца).

С графическим значением (17) связано **полиграфическое** (18). Этот вопрос подробно изложен, в частности, А.А. Реформатским [9. С. 141–179]. Мы же ограничимся одним примером. Заглавие текста обычно набирается особым образом: сплошными прописными, полужирным шрифтом, шрифтом другой гарнитуры, разрядкой и т. п. Заглавие обладает иным, нежели внутри самого текста, значением – как правило, образным, символическим. Например, Хлестаков в пьесе Гоголя не является ревизором. «Но глубоко ли мы понимаем мысль Гоголя? Ведь “Ревизор” – название не случайное (...) Главное в том, что для нас, читателей, Хлестаков действительно проводит сжатую, содержательную, блестящую ревизию дел и нравов верхушки провинциального городка. Никто и никогда не смог бы так полно рассказать официальному ревизору, авторитетной комиссии суть всего, что происходило в этом маленьком городе» [2. С. 184].

Определенным значением – назовем его **письменным** (19) – обладает и рукописная форма фиксации слова, причем иногда безо всяких индивидуальных особенностей (т. е. почерка), сама по себе, самым фактом своего применения. Например, в письменной форме нередко теряется различие между кириллицей и латиницей. Самый яркий пример – слово *чепуха*, прочитанное как *реникса* (которая стала самостоятельным словом).

Выделение в слове **пунктуационного значения** (20) может вызвать удивление: ведь пунктуация проявляется на синтаксическом уровне – в масштабах, больших, чем слово. Однако предложение – односоставное, краткое, эллиптическое, реплика диалога, ремарка в пьесе – может состоять из одного слова, сочетающегося с определенным знаком препинания.

Кроме того, обособленное слово прочитывается иначе: *Вы определенно правы* – говорящий практически не сомневается в правоте адресата; *Вы, определенно, правы* – говорящий выражает только свою уверенность, личное мнение. Грамматическая отнесенность необособленного и обособленного слов также различна: наречие и модальное слово.

Тире, поставленное, перед словом, – например, в поэзии М.И. Цветаевой – подчеркивает его особую значимость.

Поскольку пунктуация выражает интонационный рисунок текста, пунктуационную роль могут играть и графические средства: курсив, реже – разрядка, показывающие, что слово произносится с логическим ударением.

На словообразовательном уровне мы выделим четыре основных вида значений – **морфемное** (21) – состав слова, **деривационное** (22) – информацию о способе образования слова, **формообразующее** (23) – *читающий, читаемый, величествен, определёнен, величественно* (наречие), *умывать* – *ся* и др. – и **смыслообразующее** (24): *сложный – несложный, темный – темноватый, играть – доиграться*. Дополнительным мы будем считать **окказионально-словообразовательное значение** (25), т. е. совокупность вышеназванных значений в нестандартных и/или авторских словах: *прихватизация, изувековечить* (запечатлеть в неприятном виде), *катастройка* и др.

В области морфологии для нас актуальны три значения: **морфолого-семантическое** (26) – что означает данная часть речи: предмет, признак, процесс, отношение и др.; **категориальное** (27) – содержание и грамматическое проявление категорий; **категориальное транспозитивное (переносное)** (28): *Халтурищиком стал зритель* (Ф.Г. Раневская) (= зрители); *Завтра я отправляюсь в путешествие* (= отправлюсь).

На уровне синтаксиса мы выделяем значения: **синтаксическое** (от слов *синтактика, синтагма*) (29) – роль слова и характер связи в словосочетании; **синтаксическое** (30) – роль слова в предложении: член или полупредикативный элемент; **семантико-синтаксическое** (31) – смысл словоформы в предложении: субъект, объект, локатив, темпоратив и др. – например: *петь под гармонь* (комитатив); *Было уже под вечер* (темпоратив); *Человек отдал дом под ясли* (дестинатив) [3. С. 411] и др.; **тема-рематическое** (32) – роль слова в зависимости от актуального членения (приведем замечательную цитату из фильма В. Хотиненко «72 метра» по сценарию В. Залотухи: «Ты слушай меня, Легкоступов. В русском языке есть слова, их там много. Когда их составляешь вместе, получается предложение, где есть сказуемое, подлежащее и прочая светотень. И всё это – великий русский язык, Легкоступов. Ты меня понял?! (...) В нём переставь местоимение, сказуемое и подлежащее, и появится интонация: “Наша Маша горько **плачет**”, или “**Плачет** наша Маша **горько**”») и, наконец, **предикативное** (33) – способность слова быть предложением (односоставные предложения из одного слова: *Весна; Светает; Холодно*) и **полупредикативное**, или **потенциально-предикативное** (34), которое может быть трансформировано в придаточную предикативную единицу, – детерминант: *Еще школьником я полюбил Шекспира* (= когда я был школьником) или номинализованная конструкция: *Вождь потребовал сурового наказания преступников* (= чтобы преступников сурово наказали); *Ему полезно гулять после обеда* (= чтобы он гулял); *Его молодость не служит ему оправданием* (= То, что он молод) [8. С. 193].

Рассмотрев форму, означающее, теперь обратимся к содержанию – к означаемому, т. е. непосредственно к лексиологии.

Референтное (предметное) значение (35) – это указание слова на конкретный объект, соответствующий слову, а **денотативное** (36) – на реалему, т. е. обобщенное представление о предметах данного класса: *Дайте мне, пожалуйста, это яблоко* – референтное значение, а *Дайте мне, пожалуйста, яблоко* (любое) – денотативное.

В структуре словарной статьи выделяются значения: **общее лексическое** (37) – совокупность – **частных лексических**, или **семемных** (38). Когда семемы соединяются со звучанием слова, это называется лексико-семантическими вариантами (ЛСВ). Среди частных лексических значений выделяются: **ближайшее** (39) – главное, основное значение и **прагматическое** (40) – актуальное для говорящего, выражающее его отношение к содержанию речи.

Возьмем пример из Словаря С. А. Кузнецова (www.gramota.ru):

ФИЛОСОФИЯ, -и; **жс.** [от греч. *philēō* – люблю и *sophía* – мудрость] **1.** Наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления. *Античная ф.* // кого-чего. Учение о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества, мышления. *Ф. Лейбница, Канта. Ф. позитивизма.* **2.** чего. Методологические принципы, лежащие в основе какой-л. науки, области знания и т.п. *Ф. истории. Ф. математики. Ф. права.* **3.** Разг. Сложившееся убеждение по поводу чего-л.; концепция. *Его ф. сводилась к нескольким афоризмам. Житейская ф.* **4.** Ирон. Отвлечённые, общие, не идущие к делу рассуждения. *Философию разводить некогда: дело не ждёт! Пускаться в философию.*

Общее лексическое значение этого слова (37) складывается из четырех компонентов (38), из которых ЛСВ1 является ближайшим значением (39), а ЛСВ4 – прагматическим (40), выражающим ироническое отношение к чужому поведению. Прагматика может проявляться и иначе: если мы скажем: *Философию разводить некогда: дело не ждёт!* – не иронически, а презрительно или даже

гневно. Для пушей ясности можно добавить оценочные определения: *глупую, никчемную, демагогическую* даже *гнилую* (философию). Другим ЛСВ тоже можно придать прагматическое значение – например, сказать: *реакционная философия* (ЛСВ1), *эклектическая философия* (ЛСВ1-2), *передовая философия диалектического материализма* (ЛСВ2), *примитивная, немудренная житейская философия* (ЛСВ3) и проч.

Все эти значения являются узуальными, т. е. устойчивыми, общепринятыми. Но есть целый ряд окказиональных значений, не предусмотренных словарями. Они в той или иной степени порождаются лингвопрагматикой. Такие дополнительные значения называются коннотациями. **Коннотативное** значение может быть **имманентным** (41) – присущим слову. Собственно, такие коннотации еще не окказиональны, а узуальны и даже могут отражаться в словарях (в виде помет), хотя и не обязательно. Так, например, ЛСВ1-2 слова *философия* предполагают скорее положительные коннотации (мудрость, глубина, серьезность), а ЛСВ3-4 – скорее сниженные, потому что переносятся в ту сферу, для которой научная философия не органична. Для ЛСВ4 дается даже помета *ироническое*.

Переходное положение между узуальными и окказиональными занимают **коллективные коннотации** (42), т. е. расхожие, упрощенные понимания слов, расходящиеся с их словарным или научным толкованием. Например, в фильме А. Коренева «Большая перемена» высокоученый Нестор Петрович объясняет Ганже слово *эпикурец*: веселый, неунывающий человек, живущий одним днем. Это, мягко говоря, неточное определение (и даже антинаучное, потому что относится скорее к киренаикам).

Если же в обществе существуют не просто разные, а прямо противоположные взгляды на предмет, мы имеем дело с «**расщепленной**» **коннотацией** (43). Она главным образом относится к словам из общественно-политической сферы. Например, у А. Солженицына:

– *Устроились! Прожигатели жизни! Вы его спросите, ведь он, сукин сын, эпикурец. А? Иннокентий, признайся – Эпикура исповедуешь? (...)*

– *Эпикура? – с посверкивающими глазами принял он (Иннокентий. – А. Ф.) вызов. – Исповедую, не отрекаюсь. Но я, вероятно, вас удивлю, если скажу, что “эпикурец” принадлежит к числу слов, не понятых во всеобщем употреблении.* (А оно существует во всеобщем употреблении? – А. Ф.) *Когда хотят сказать, что человек непомерно жаждет к жизни, сластолюбив, похотлив и даже попросту свинья, говорят: “он – эпикурец” (...)* А Эпикур как раз обратен нашему дружному представлению о нём. Он совсем не зовёт нас к оргиям (...) Он говорит: на самом деле человеку надо мало, и именно поэтому счастье его не зависит от судьбы! (В круге первом).

Поясним, чем различается просто расхожее заблуждение насчет эпикурейцев (42) и расщепленная коннотация (43). Нестор описывает человека несерьезного, но скорее симпатичного (*веселый, неунывающий*), а персонаж Солженицына дает характеристику резко отрицательную (*сластолюбив, похотлив и даже попросту свинья*, склонен к *оргиям*). Первая характеристика лишь отклоняется от точного понимания эпикуреизма, вторая – противоположна ему.

Теперь мы вступаем в сферу окказиональности.

Коннотативные значения почти всегда содержат эмоциональный компонент, который выражается по-разному: без изменения самого слова – с привнесением коннотации извне, через **оценочные слова** (44): горьковское *Человек – это великолепно! Это звучит гордо!* (говоря: это звучит гордо, Горький подключает фонетический аспект – и отнюдь не условно: это указание актеру, играющему Сатина – с какой интонацией следует произносить это слово);

через **конверсию** (45) – изменение морфологической принадлежности слова и, соответственно, приобретение им особой синтаксической роли: *Жуть! Мрак! Блеск! Фантастика! Грандиозно! Феерично!*;

через **словообразовательный формант** (46) – изменение внешнего вида: *человечек, человечиче*. Последнее значение отличается от морфемного смыслообразующего (24) тем, что последнее выражает общее значение, передаваемое аффиксом. Например, суффикс *-ек-* передает диминутивный (уменьшительный) смысл вообще. Коннотативное аффиксальное значение (46) уточняет его характер, возникающий в контексте: констатирующий: *На сцену выбежал человечек, стал что-то неслышно говорить* (А. Володин, Звонят, откройте дверь!) – речь идет о человеке маленького роста; ласкательный: *Славный растет человечек*; покровительственно-снисходительный: *Ну, как не порадеть родному человечку!* (А. Грибоедов); уничижительный: *А на батумском берегу стоял крохотный алчный человечек и, обливаясь потом, разрубал последний стул* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Особо выделим **эмоционально-окказиональное значение** (47), возникающее, когда слову придаётся неожиданное значение:

Женя. У тебя *гениальная* квартира!..

Гусев. Ну! У меня *гениальная* квартира, *гениальная* служба, вот такие друзья, у меня все!.. (М. Рошин. Валентин и Валентина.)

Отметим также **квантитативное** (48), т. е. количественное, или **градуальное**, значение, связанное с усилением или ослаблением признака – с гиперболой и литотой. Название условное, потому что количество здесь, разумеется, связано с изменением качества: булгаковские *советы космического масштаба* и *космической же глупости*, уже упомянутая *гениальная квартира* – гиперболы, *микроэкономический вред* – литота. В таких случаях прилагательные обычно меняют свой разряд: относительные становятся качественными (количественные изменения переходят в качественные в лингвистическом смысле).

Можно подключить интертекстуальный компонент, рассматривая случаи, когда переосмысливается слово, известное нам из некоего классического текста – назовем это значение **ресемантизированным аллюзивным** (49): «*Моя бабушка согрешила с водолазом*», – *хотелось ответить Петрову на это, потому что его собственная бабушка правда согрешила с водолазом Балтийского флота – дедушкой Петрова* (А. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него). Петрову «хотелось» процитировать фразу из «Собачьего сердца», в которой *водолаз* означает высокопородного пса. Здесь же слову *водолаз* возвращается более привычное (ближайшее) значение: человек, ведущий работы под водой. Кстати, и слово *бабушка*, подвергается ресемантизации, поскольку у Булгакова имеется в виду собака.

По-видимому, следует выделить случаи, когда слова в разных значениях употребляются в общем контексте – назовем такое значение **контрастным** (50). Два ЛСВ, употребленные в общем контексте, изменяют семантику друг друга, могут вступать в отношения антитезы – это парадигма:

*Прорастают ЛИЦА грозно
У безликих на лице* (Е. Евтушенко)

или взаимодополнения – это плака:

*А старый мир стал картой битой –
Наивной картой Птолемея* (Н. Глазков).

Во втором случае один и тот же объект – старый мир – оказывается картой одновременно в двух смыслах: игровой и астрономической.

Индивидуальное дефинитивное значение (51) (не столь резко своеобразно, как предыдущие и не обязательно эмоционально окрашено) проявляется в авторских определениях (автор открывает новые грани, оттенки известного): *Любовь – это когда хочется все отдать, когда ходишь и ждешь: кто возьмет, кому отдать, что еще сделать?* (М. Рошин. Валентин и Валентина).

Бывают осложненные случаи – например, **метафорами** (52).

– (...) *постмодернизм вообще-то уже давно не актуален.*

– *Что это такое – постмодернизм?* – *подозрительно спросил Степа.*

– *Это когда ты делаешь куклу куклы. И сам при этом кукла* (В. Пелевин. Числа).

В семантической структуре слова, как было сказано, выделяются **семемы** (38), которые вместе с фонетической оболочкой образуют ЛСВ. Каждая семема состоит из **сем** (53). Например, семема ЛСВ1 слова *отец* включает семы: «*мужской пол*», «*родитель*», «*кровный*», «*в первом поколении*» [6. С. 116]. При сопоставлении слова *отец* с другими терминами родства (*мать*, *сын*, *племянник* и др.), в слове проявляется **архисемное значение** (54) «*родственник / родственница*» [6. С. 116]. Причем архисемное значение бывает узуальным и **контекстуальным** (55). Например, в пушкинской строке *Швед, русский колет, рубит, режет* слова *швед*, *русский* – национальности (узуальная архисема) – означает: солдаты воюющих армий (контекстуальная архисема); *колоть*, *рубить*, *резать* – производить активные действия, повреждающие что-либо (узуальная архисема) – означает: бить врага (контекстуальная архисема).

Другой компонент, связывающий слово с другими словами, – **этимологическое значение** (56). Обратимся за примерами к «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера. *Врач* – от *врать* и *ворчать*: заклинатель, колдун. *Полынь* – возможно, родственно словам *пылать*, *полахать*.

К этому значению примыкает **интертекстуальное** (57) – отсылающее к другому тексту, культурному или историческому источнику. Это обычно бывают легко узнаваемые своеобразные слова, иногда окказиональные: *громокипящий* у И. Северянина отсылает к Тютчеву, *помпадур* у Маяковского – к Салтыкову-Щедрину и т. п.

Близок к этимологическому (56), но не тождествен ему **уровень языковых метафор** (58), не воспринимаемых как художественные образы: *крыло самолета*, *рукав реки* и ее же *дельта*.

Уровень семантического переноса предполагает и другие значения. Существуют два основных вида переноса – **метонимия** (59), включающая **синекдоху** (60), и **метафора** (61), также понимаемая в широком смысле. Воспользуемся для этого примерами, если не ошибаемся, Н.Д. Арутюновой: *Эта шляпа* (метонимия) – *сухая шляпа* (метафора). *Вон та голова* (синекдоха) – *настоящая голова* (метафора). Они (примеры) хорошо иллюстрируют различия между разными ЛСВ: метонимия и синекдоха указывают на объект (на самого человека), метафора – на его качества.

Семантический перенос (59-61) служит разным целям, которые могут быть трактованы как отдельные значения: **эвфемистическое** (62): *ворог (враг)* – черт (М. Фасмер); **символическое** (63): *сова* – мудрость; **аллегорическое** (64): устойчивое, клишированное, но не столь обязательное, как символ:

*Не жизнь ли человек нам
Сей водопад изображает?* (Г.Р. Державин);

образное (65) – *флейты водосточных труб* у Маяковского означает не внешнее сходство водосточной трубы с флейтой, а способность поэта извлечь красоту, нежнейшую музыку («ноктюрн») из самого прозаического и неподходящего предмета. Упомянутые виды иносказания (62-64) могут использоваться в значении **антономазии** (66), при которой имя собственное становится нарицательным, причем не обязательно в грамматическом смысле – т. е. без написания со строчной буквы. Вот, например, у Е. Евтушенко в поэме «Казанский университет» слова, употребляемые в нарицательном смысле, пишутся по-разному в зависимости от авторского отношения – со строчной или прописной буквы:

*и сколько ни рождалось бы магницких,
в России Лобачевские росли;*

Лобачевские – это ученые и просветители, *магницкие* – душители просвещения. В том же ряду – имена исторических лиц, литературных героев по отношению к другим лицам: *второй Чадаев, мой Евгений* (А.С. Пушкин); *Святослав – сей Александр нашей древней истории*; *Ермак – российский Пизарро, не менее испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества* (Н.М. Карамзин) или прозвища (у Н. Коляды в пьесе «Курица» режиссер Галактионов по прозвищу *Швондер*).

Отдельно назовем **транспозитивную антономазию** (67), когда имена собственные, ставшие символическими, переносятся в произведения других писателей: персонажи Грибоедова и Островского у Салтыкова-Щедрина, Чичиков у Булгакова и др.

Имена собственные могут быть «говорящими» не только в обобщенном смысле, но и в **эмблематическом** (68), для характеристики *данного* персонажа – чаще всего в пьесе. Эмблематическое значение фамилии говорит за самого персонажа. Когда героя зовут Правдин, Стародум или Скотинин, его поступки и речи мало что к этому добавляют. Такие фамилии встречаются и в современной драматургии.

Невидимский (серьезно). Чья диссертация?

Зубарин (смотрит на название работы и имя автора). *Аспирантки Простынкиной!* (Про себя.) *И фамилия-то какая, нарочно не придумашь!..*

Невидимский (недовольным голосом). *Странно. Я знаю эту работу. А фамилии, Сергей Савельевич, разные бывают...* (С. Михалков. Охотник.)

Хотя говорящие указывают на случайность этой фамилии (*нарочно не придумашь, фамилии разные бывают*), излишне уточнять, что аспирантка Простынкина в этой пьесе оправдывает свою фамилию.

С фамилией самого Невидимского в тексте происходят довольно интересные метаморфозы. У читателя (зрителя) поначалу возникает лишь смутное предположение, что она может быть иметь какой-то смысл, но какой именно – почти до самого конца остается непонятным. Невидимский – это чиновник от науки. По ходу сюжета некий авантюрист, по фамилии Шапкин, предлагает ему издать свою монографию в соавторстве – для ее лучшего прохождения. Невидимский соглашается, монография выходит. Потом оказывается, что это чужая кандидатская диссертация, а Шапкин бесследно исчезает. И Невидимский резюмирует ситуацию: *Этого еще не хватало... Да-а-а... Глупейшая история: был Шапкин. Был Невидимский. А теперь получается: “Шапкин-Невидимский”!* Вот когда фамилия *Невидимский* приобретает смысл и становится говорящей. Причем она относится не к самому

ее носителю, а к персонажу, *которого нет*, – мнимому автору монографии. Мало того, она приобретает смысл в составе двойной фамилии *Шапкин-Невидимский*, которая и является по-настоящему говорящей и функционирует в виде *псевдонима* для лжеавтора. В этом случае слово изменяется в тексте в процессе развития сюжета. Оно меняет и смысл, и денотат, и даже свой лингвистический статус, теряя автономность и превращаясь в часть другого слова. Совокупное значение такого меняющегося слова мы назовем **текстовым** (69).

То же самое происходит со словом *мальчик* в «Жизни Клима Самгина». Сначала оно относится к конкретному ребенку – Борису Варавке – и в составе фразы «*Да – был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?*» имеет самостоятельное значение. Но постепенно фраза становится афоризмом, т. е. единицей *фразеологического* уровня, а слово *мальчик* приобретает символический смысл – как и в предыдущем случае – мнимой личности, которая не состоялась.

Два последних примера выводят нас на уровень фразеологии. Разумеется, мы должны учесть и **фразеологически связанные** значения, среди которых мы выделим два – **идиоматическое** (70) – у лексем, существующих только в составе сращения (*бить баклуши*) и **автономное** (71) – значение, которое реализуется именно во фразеологизме, но само слово в виде других ЛСВ может иметь самостоятельное употребление. Например, самостоятельное слово *невидимка* означает невидимый объект: *Вдоль дорог ветерок бродит невидимкою* (М. Матусовский), но в составе оборота *шапка-невидимка* приложение означает средство, которое делает объект невидимым.

У слова есть еще **стилистическое** (72) содержание – например: *бесстыдный* – книжное слово, *бесстыжий* – разговорное; слова *интерференция*, *абсорбировать* относятся к научному стилю, *арендатор*, *обязывать* – к официально-деловому, *репортаж*, *агитировать* – к СМИ и др.

В составе стилистики можно выделить множество аспектов – например, **социолингвистический** (73): *курень* – диалектизм, *флэшка* – жаргонизм, *стеб* – сленгизм и т. д.; **идеологический** (74), **аксиологический** (ценностный) (75). Последние два почти тождественны. Многие слова обладают идеологической и аксиологической семантикой одновременно: *патриотизм*, *солидарность*, *товарищество*, *самопожертвование*. Но у слова *государство* – только идеологическая коннотация, у слова *любовь* – только аксиологическая.

И, завершая свой обзор, мы должны коснуться еще одной важной темы – искажения слов, которое тоже несет информацию, и, следовательно, обладает значением. Искажения делятся на две основные группы: неосознанные – **солецизмы** (76) и осознаваемые – **эрративы** (77). Первые сигнализируют о соответствующем культурном уровне говорящего (*дóговор*, *прóтокол*, *инженерá*, *согласно приказа* и проч.) или о его неосведомленности, когда он употребляет слово не по назначению. Вторые могут нести социолингвистическую информацию (*компáс*, *Мурмáнск* – в речи моряков, *атóмный* – в речи физиков старшего поколения), выражать эмоции, отношения – чаще негативные (*про[фэ]ссор*, *ака[дэ]мик* – бывают и соответствующие написания), в так называемом «олбанском языке» (*аффтáр* и проч.) сочетается то и другое. Следует выделить **симптомы** (78) – искажения слов в состоянии потрясения, волнения, болезни, а также **технические ошибки** (79) (опечатки, описки). Все эти виды искажений могут разнообразнейшим образом обыгрываться в художественных произведениях, т. е. имеют **эстетическое** измерение (80): знаменитое *пелестрадал* в «Анне Карениной» или опечатки в телеграмме *хохороны* и особенно *сючала* в «Душечке» – если *хохороны* можно легко объяснить, то совершенно загадочное словечко *сючала* повергает героиню в шок. В сущности, оно уже выводит нас в область «**заумной**», **абсурдистской** лексики (81). Мы ее здесь касаться не будем, хотя она тоже является объектом языкознания.

В особую группу значений следует выделить некоторые причины таких ошибок и искажений. Это может быть «**народная этимология**» (82) – например, в «Поднятой целине» М. Шолохова дед Шукарь считает, что *монополия* – это кабак: по аналогии с *монополькой*); **структура слова** (83) – тот же дед Шукарь слово *самокритика* трактует как «самочинную критику», т. е. не знающую никаких пределов в своей жестокости. Более интересный пример:

Он шептал ей в ухо:

...А я тебе шепотом,
Потом **полушепотом**,
Потом уже молча:
Любимая, спи...

Литературная жизнь научила Татьяну некоторой резкости в обращении с поэтами. Так получилось и на сей раз. “Послушай, Янк, тебе никто не говорил, что полушепот – это громче, чем шепот?”

(В. Аксенов. Таинственная страсть). *Янк* (вокатив от *Янка*) – это Ян Тушинский. Под этим именем в романе фигурирует Евтушенко, чье стихотворение «Любимая, спи...» стало хрестоматийным – разумеется, безо всяких исправлений. В нем слово полупшепот употребляется в окказиональном значении «тише, чем шепот», а А. Градский закрепил его окончательно.

И, наконец, если не искажение, то трансформация семантики слова происходит по **социолингвистическим, профессиональным** (84) причинам. Так, в юридической речи многие термины используются в виде **пролепсиса** (предсказания) (85). Здесь происходит семантический сдвиг: когда термин выражает будущее человека по отношению ко времени повествования в тексте – например: *Свидетель А. заметил, как подозреваемый Б. вошел в подъезд дома, где жил потерпевший В.* (в тот момент, когда это происходило, В. еще не был потерпевшим, Б. – подозреваемым, А. еще не выступал в роли свидетеля – ни на следствии, ни в суде).

Блестящий пример использования пролепсиса не в собственно юридической речи, а в пародии на нее – реплика из фильма Г. Данелия «Мимино». На вопрос адвоката, испытывал ли обвиняемый (Валико Мизандари) личную неприязнь к потерпевшему (Нугзару Папишвили), Рубик Хачикян отвечает утвердительно, будто Валико сам признался в этом *перед* вторжением в квартиру Папишвили: «*Такую личную неприязнь испытываю к потерпевшему, что кушать не могу*» (т. е. меня от него тошнит).

Мы не ставили своей целью создание строгой и исчерпывающей типологии значений слова. Мы лишь рассмотрели этот вопрос, не выходя за рамки лингвистики. Остаются и другие аспекты – например, психолингвистический, юридический, культурный. Очень специфически меняются значения слов в философии: например, *спекулятивный*, т. е. умозрительный, и *реализм*, который не имеет отношения к искусству и объявляет реальностью понятие, т. е. фактически слово. Мы не говорим, что А.Ф. Лосев разделяет данную позицию, но он, конечно, сближается с ней.

Наш обзор отнюдь не означает, что в любом слове присутствуют все названные значения – впрочем, и все лосевские «моменты» не могут относиться и к знаменательному, и к служебному слову. Однако в речевой практике, особенно в художественной литературе, вполне возможны слова, реализующие имманентную и потенциальную семантику в полном или максимальном объеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика: Учебное пособие. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
4. Канке В.А. Основы философии: учебник для студентов средних специальных учебных заведений. М.: Логос, 2005. 208 с.
5. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 656 с.
6. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
7. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 48-96.
8. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2007. 296 с.
9. Реформатский А.А. Техническая редакция книги. Теория и методика работы. М.: Гос. изд-во легкой промышленности, 1933. 414 с.
10. Уфимцева А.Л. Теоретические проблемы слова (Категории общего и отдельного) // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М.: Наука, 1970. С. 307-319.
11. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

Поступила в редакцию 10.05.2018

Флоря Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор
Орский технологический институт Оренбургского государственного университета
462404, Россия, Оренбургская область, г. Орск, ул. Мира, 15а
E-mail: rytmory@ogti.orsk.ru

*A.V. Florya***LINGUISTICS OF THE NAME**

The subject of this article is the variety of meanings of a word at various linguistic levels: phonetic, phonological, orthoepic, graphic, punctuation, lexico-semantic, phraseological, word-formative, grammatical, syntactic, textual. The author considers these values in the normative and occasional aspects. The article touches upon the stylistic, sociolinguistic and especially linguo-aesthetic possibilities of semantics. The nature and role of distortions of the word and its significance for works of art are considered separately.

Keywords: word, conventional and occasional meaning, semantics, seme, seme, connotation, stylistics, linguo-aesthetics.

REFERENCES

1. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. M.: Progress [Progress], 1974. 448 p. (In Russian).
2. Brudnyy A.A. *Psikhologicheskaya germeneytika: Uchebnoye posobiye* [Psychological hermeneutics: Textbook]. M.: Labirint [Labyrinth], 1998. 336 p. (In Russian).
3. Zolotova G.A. *Sintaksicheskiy slovar': Repertuar elementarnykh yedinit russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax]. M.: Nauka [Science], 1988. 440 p. (In Russian).
4. Kanke V.A. *Osnovy filosofii: uchebnyk dlya studentov srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedeniy* [The Foundations of Philosophy: A Textbook for Students of Secondary Special Educational Institutions]. M.: Logos [Logos], 2005. 208 p. (In Russian).
5. Losev A.F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. M.: Pravda [Truth], 1990. 656 p. (In Russian).
6. Novikov L.A. *Semantika russkogo yazyka: Uchebnoye posobiye* [Semantics of the Russian Language: Textbook]. M.: Vysshaya shkola [Higher School], 1982. 272 p. (In Russian).
7. Ostin Dzh. L. *Slovo kak deystviye* [The word as action] // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XVII.* [New in foreign linguistics. Issue XVII.] M.: Progress [Progress], 1986. Pp. 48-96. (In Russian).
8. Paducheva Ye.V. *O semantike sintaksisa: Materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka. Izd. 2-ye, ispr. i dop.* [On the semantics of syntax: Materials for the transformation grammar of the Russian language. Ed. 2nd, corrected and additional]. M.: KomKniga [Com.Book], 2007. 296 p. (In Russian).
9. Reformatskiy A.A. *Tekhnicheskaya redaktsiya knigi. Teoriya i metodika raboty* [Technical edition of the book. Theory and methods of work]. M.: Gos. izd-vo legkoy promyshlennosti [St. Publishing House of Light Industry], 1933. 414 p. (In Russian).
10. Ufimtseva A.L. *Teoreticheskiye problemy slova (Kategorii obshchego i otdel'nogo)* [A. L. Theoretical problems of the word (Categories of the general and individual)] // *Leninizm i teoreticheskiye problemy yazykoznaniya* [Leninism and theoretical problems of linguistics.]. M.: Nauka [Science], 1970. Pp. 307-319. (In Russian).
11. Shcherba L.V. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. M.: Uchpedgiz [Teach. Ped. St. Ed.], 1957. 188 p. (In Russian).

Received 10.05.2018

Florya A.V., Doctor of Philology, Professor
Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch of) Orenburg State University
Mira st., 15a, Orsk, Orenburg region, Russia, 462404
E-mail: rytmory@ogti.orsk.ru